

СВЕТИТЬ ВСЕГДА.

В МАЛЕНЬКОЙ уютной мастерской электросветильного цеха Челябинского драматического театра имени С. М. Цвиллинга, с которой знакомит заведующий цехом Анатолий Васильевич Мокшанцев, трудно найти незанятый уголок. Чего тут только нет! Ровными рядами на стенах от пола до потолка свисают электросхемы, потолок «держит» самые разные люстры: от претенциозно-роскошных до осветительного «ширпотреба». Не мастерская, а настоящий театральный музей. Но самое примечательное — стол. Вначале я подумал, что это рояль. Точные ножки поддерживали нечто внушительное, хоть и сильно попорченное временем. Возле музейных ручек ящиков — непонятные отверстия.

— Это мыши прогрызли, — поясняет Анатолий Васильевич. — В годы войны мы приносили сюда каждый со своим «сухим пайком». Что там было? В лучшем случае — кусочек хлеба, несколько картофелин. Держали свой паек в ящиках стола, ну, а крошки по ночам попадались таскать мыши. А так стол добрый, он еще долго послужит. Помню, подарил мне его в 1932 году директор театра Григорий Давидович Маргулис.

— А что в этой комнате самое старое?

Анатолий Васильевич улыбнулся:

— Да, наверно, я... В нынешнем году театр будет отмечать свое шестидесятилетие. Пятьдесят пять лет работает в театре А. В. Мокшанцев. В трудовой книжке у него всего одна запись от 1 марта 1926 года: «Принят на работу».

Верность своему рабочему месту — черта характера удивительная. Иногда я думаю, вот бы к этому качеству, которым по праву гордятся люди старшего поколения, добавить безграничные возможности выбора профессии, которые предоставляет сегодняшний день. Молодые порой не осознают, какое им предоставлено богатство — возможность выбора профессии. От старых времен в языке осталось понятие «выслута лет», когда к работе относились, как к службе. И немногие могли похвастаться, что эта служба совпала с мечтой. Анатолию Васильевичу повезло.

— Окончил я в двадцать втором профессионально-техническую школу, — рассказывает он, — учили нас там на всякий случай всему понемногу. Кто знает, где придется работать? Работы не было. Встал я на биржу труда. Три года ходил отмечался. Один день пропустишь — мгновенно вылетаешь в хвост очереди. Иногда подворачивалась разная работа: рублили на вокзале дрова, сажали акации на Алом поле. Соскучился по настоящему делу. Да и семья. Нас у матери — четверо. И тут весной двадцать шестого появилась вакансия ученика электрика в гортеатре. Не выдать бы мне этого места, если бы электрик театра не любил холодное пиво и по этой причине частенько похварывал.

В те времена аппаратуры осветительной никакой не было, что только не выдумывали

взамен... Коммутационные щиты делали из банных тазиков, осветительные прожекторы — из ведер. В общем труд был «творческий». Я, конечно, увлекся театром. По этой причине поначалу много промашек допускал. Помню, в первый год работы в театре заезжий коллектив из Омска показывал спектакль «Под каштанами». Там по ходу действия менялось время суток, и я должен был притушить свет. А я с таким интересом смотрел спектакль, что забыл обо всем на свете. Героиня говорит: «Уже темнеет», а у меня на сцене летний день сияет...

Анатолий Васильевич достаёт кипу программек спектаклей. Все они подписаны их постановщиками со словами глубокой благодарности осветителям за хорошую работу. Сколько же премьер видел, способствовал их рождению Анатолий Васильевич! Без преувеличения можно сказать — не одну сотню. Сколько прекрасных актеров, режиссеров, работников театра наблюдал он... Все это наложило неизгладимый отпечаток на его личность. Я смотрю на него. Строгий, подтянутый. У него красивая, точная речь, замечательная память.

— Театр изменил всю мою жизнь, я ведь ррдом из крестьян, — рассказывает он, — а здесь довелось встречаться с разными людьми. Наш директор Николай Петрович Скрыльников на моей памяти — двадцать седьмой. Один из них, помню, работал только четыре дня. Было это в го-

ды войны. Директора Пучелазова мобилизовали, вместо него пришел молодой парень, а через четыре дня и он ушел воевать. Да, война... Наш театр должен был переехать в Шадринск. Я получил задание размонтировать рампу. А рампа — это ведь театральный символ. Начал я свою работу, без энтузиазма, вдруг входит незнакомый мужчина: «Что это вы тут делаете?» «Вот, — говорю, — рампу демонтирую». Я главный администратор Малого театра Нечаев», — говорит он. Велел мне ничего не трогать. А через некоторое время я узнал, что он хлопотал за меня и меня оставили работать с Малым театром.

Приехали удивительные люди. «Будьте любезны, здесь надо поярче», «Доброе утро!», «Спокойной ночи!». Удивительные... Вначале я подумал, что они — исключение, редкость, но потом понял, что исключением должны быть грубость, хамство.

— А что, на ваш взгляд, необходимо для успеха дела? — Немного, но не так уж и мало: честность, добросовестность и хорошее отношение к людям.

Думается, что слова старого мастера еще долго будут верны.

Театр имени С. М. Цвиллинга скоро расстанется со своим старым зданием. Для него выстроили настоящий дворец искусства. Но богатство театра и в традиции ветеранов, в их служении долгу.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ
г. Челябинск

25 МАР 1987